

2 октября 1991 года

Когда Гарри приехал в Хогвартс и вошёл в величественный замок, наполненный говорящими портретами, забавными привидениями, едой, которая появлялась из ниоткуда, и магией, настолько густой, что он почти чувствовал её в воздухе, когда шёл, он не ожидал, что в тот роковой день профессор МакГонагалл совершенно зря появится на его пороге и подарит ему ложную надежду.

Как только огромные деревянные двери с громким скрипом распахнулись, и он шагнул в Большой Зал Хогвартса, в мир, который казался ему другим, он подумал, что его жизнь уже никогда не будет прежней - но оказалось, что все было так же плохо, как и с Дурслями.

Не все было ужасно, некоторые вещи были даже лучше, чем его жизнь на Тисовой. Еда в замке была просто восхитительной, вкус её был настолько изысканным, что казалось, будто она пропитана магией. Его общежитие, несмотря на то что он делил его с четырьмя другими мальчиками, было намного лучше, чем его старый чулан, и все его вещи действительно были его.

Больше не было огромных рубашек, которые Дадли растянул еще много лет назад, огромных ботинок, которые в большинстве своем были порваны и имели только один шнурок (если повезет), сломанных и погрызенных игрушек, которые были единственным, что отвлекало его от пауков и тараканов в его комнате. Наконец-то у него были свои вещи, и они были новыми и его.

Ему нравилось жить в замке гораздо больше, чем у Дурслей: не нужно было тратить часы своего дня на работу по дому, вместо этого он мог проводить день в мифическом замке и на его огромной территории. Он поставил перед собой задачу исследовать все, что попадалось ему на глаза: все классы и шкафы для метел в замке, каждый камень и дерево на прилегающей территории и даже хижину местного громадного лесника.

Однако, кроме этого, Гарри не мог найти ничего, что могло бы вызвать у него восторг. Он

никогда не был идиотом в школе, даже немного гордился некоторыми оценками выше среднего, которые он получал во время учебы в школе Литтл-Уингинга. Но казалось, что он просто не создан для магии.

Занятия были чрезвычайно сложными, даже самый легкий урок в Хогвартсе был намного сложнее, чем самый трудный урок в школе.

Каждый раз, когда профессор МакГонагалл, профессор Снейп, профессор Флитвик или кто-то из остальных пытались объяснить ему что-то, это было похоже на то, как если бы они пытались научить маленького щенка китайскому языку. Он не мог понять ничего из того, что они говорили, и часто был вынужден читать и изучать в свободное время в библиотеке, чтобы понять, что ему нужно делать.

Единственным предметом, который был не таким трудным, как остальные, была История магии, но, учитывая все имена и даты, которые ему приходилось запоминать, а также то, что профессор, казалось, умер во время лекции и до сих пор не осознал своей смерти, было практически невозможно заставить себя не спать во время этих занятий.

Впрочем, занятия были наименьшей из его проблем, поскольку учителя были гораздо хуже, чем все, с чем он сталкивался раньше. Биннс был далеко не самым худшим, более того, он был одним из лучших - по крайней мере, на его уроках можно было приятно вздремнуть.

Профессор Квиррелл заикался так сильно, что едва успевал прочесть пару страниц главы до того, как звонил звонок на урок. Профессор Спраут была слишком одержима растениями, чтобы нравиться Гарри: однажды он тронул одно без разрешения, и Спраут чуть не получила сердечный приступ. Профессор Флитвик был милым и ободряющим, но он проявлял явное предпочтение к умным студентам и почти не обращал внимания на остальных - большая часть его времени часто доставалась Пэнси, Ханне или Эрни.

Профессор МакГонагалл, хотя и не имела гриффиндорских пристрастий - да и вообще никаких пристрастий, - была чрезвычайно строгим преподавателем, который был недоволен, если

ученик не справлялся с заданиями, и часто задавала неприлично много домашних заданий тем, кому не повезло родиться с гениальным пониманием Трансфигурации в крови.

Но хуже всех был его декан, Снейп. Не было дня, когда бы он не боялся урока Зелий, не было часа, когда бы он не боялся столкнуться со Снейпом или с тем, что профессор внезапно ворвется в его комнату, уничтожит все его вещи каким-нибудь взрывающимся зельем и скажет ему, что он исключен из школы.

Каждый урок с невоспитанным профессором был сущим адом: любая маленькая ошибка приводила к тому, что Снейп целых пять минут кричал ему в лицо о том, какой он никчемный и какой позор, что он Слизеринец, и все всегда заканчивалось тем, что над его работой появлялась жгучая надпись "Троль", а зелье бесславно исчезало.

Злость Снейпа на него, казалось, росла с каждой секундой, проведенной вместе, и Гарри понятия не имел, почему профессор питает к нему такую лютую ненависть. Он заметил, что при каждом удобном случае Снейп заводил разговор о его отце, но Гарри не понимал, почему. Ему хотелось расспросить об отце и матери, но он сомневался, что кто-то в Слизерине вообще знал о них, а тем более имел что-либо о них сказать.

С тех пор как он узнал о Волшебном мире, его переполняли удивление и восторг по поводу магии: что это такое, как она работает, как выглядел бы мир с магией, какими огромными способами он мог бы ее использовать, как она могла бы все изменить.

Но это также наполнило его пустотой, которой у него никогда не было, - тяжело тосковать по тому, чего у него никогда не было. Но теперь он часто задумывался о том, как сложилась бы его жизнь, если бы родители были живы, - как бы он рос с магией, воспитывался людьми, которые действительно любили его.

Он начал придумывать истории о том, каким было бы его детство: Научил бы его отец магии до того, как он поступил в Хогвартс? Видел бы он, как его мать использует магию в доме?

Он прекрасно представлял себе, как мама моет посуду простым взмахом палочки, а отец наводит порядок в телевизионной комнате: попкорн и газировка сами подаются в миски и стаканы, и они вместе готовятся к просмотру фильма.

Они сворачивались калачиком на уютном большом диване, с ними была маленькая собака, иногда кошка - и снег на улице не наполнял дом холодом, потому что они использовали магию, чтобы предотвратить его холод. В голове звучали звуки смеха, когда он представлял себе любой день с родителями.

И вдруг он понял, что дело не столько в магии, сколько в родителях.

Сотни и тысячи фальшивых воспоминаний вдруг заполнили его голову: жизнь, которая могла бы у него быть, жизнь, которая была бы у него. Он знал, что все это не реально - на самом деле это была даже большая фантазия, чем любая магия, которую он мог себе представить, но в его сознании это было хоть немного реально. Но даже тогда он понимал, что все придуманные им сценарии никогда не сравнятся даже с малейшим представлением о том, кем были его родители.

Совершенно не зная, кем были его родители, Гарри оставалось только гадать, что же такого могло произойти между Снейпом и его отцом, что заставило профессора так сильно его ненавидеть.

А еще были его соседи по дому. Никому из них он не нравился, сколько бы усилий он ни прилагал, чтобы подружиться с ними.

Он перепробовал все: пытался работать с ними над заданиями, разговаривать с ними в Большом зале, общаться с ними после окончания уроков - но каждый раз они либо высмеивали его, либо отмахивались от него.

Даже те, кто явно выступал на вторых ролях, такие как Крэбб, Гойл, Трейси и Миллисент, относились к нему как к мусору, хотя, казалось, они хотели одобрения остальных так же сильно, как и он.

Гарри не понимал, что он делает не так: здесь не было Дадли, как в школе магглов, здесь никто не угрожал всем остальным детям, если они смотрели на него хоть с какой-то ненавистью.

Это должен был быть его второй шанс на жизнь, где он наконец-то заведет друзей, отправится в удивительные приключения, полные волшебства и азарта, где он наконец-то будет принадлежать кому-то.

Неужели он обманывал себя, используя Дадли в качестве оправдания, чтобы успокоить себя за то, что у него нет друзей, что он никогда не сможет никому понравиться? Он так не думал, но в то же время ничто не доказывало обратного.

Был слегка прохладный октябрьский день, месяц только начался, и учителя предупреждали о предстоящих в следующем месяце экзаменах, как те люди на улице, у которых на теле висит большая вывеска и громкий колокол, кричащий о грядущем апокалипсисе.

Забавно, как учителя справлялись с предстоящей чередой сложных экзаменов: вместо того чтобы снизить домашнее задание, чтобы ученики могли заниматься, они увеличивали его втрое, а потом предупреждали, что простого выполнения домашней работы недостаточно.